

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 10

(1936)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1957

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Д. В. Семенов

ВЗГЛЯДЫ ФРАНЦУЗСКИХ УЧЕНЫХ НА СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО БУДУЩЕЕ

До последнего времени французские ученые оставались почти в стороне от изучения новой арабской литературы. Ею, на ряду с наследием арабских средневековых писателей и поэтов, занимались главным образом немецкие и английские ориенталисты и советское востоковедение, преимущественно в лице акад. И. Ю. Крачковского, труды которого нашли себе должную оценку и были частично переведены на европейские языки.¹

С конца 20-х годов среди французских ученых замечается резкий поворот в смысле пробуждения интереса к современным литературным явлениям в арабских странах, в том числе и к литературе на диалектах. Если они до этого ограничивали свои наблюдения над арабским литературным языком и над диалектами почти исключительно Северной Африкой, то теперь в поле зрения их вошли также Сирия, Палестина, Египет и другие арабские государства. В «Bulletin d'études orientales», t. II за 1932 г. (начал выходить в 1931 г.), органе Французского института в Дамаске, напечатаны две работы членов этого института — 1) Е. Saussey, «Ибра́хм ал-Мазини и его „Роман Ибра́хима“» и 2) J. Lecerf, «Литература на диалекте и современное арабское возрождение». Первая представляет собой обстоятельный анализ упомянутого романа с обрисовкой творческой фигуры его автора, а вторая является сводом изданных в Сирии произведений на диалекте с подробным научным их разбором и введением о современном литературном языке и диалектах и сферах их влияния. Лесерфу принадлежит также статья под заглавием «Современный арабский язык как язык цивилизации», изданная в виде отдельного оттиска из «Revue Africaine» за 3-й триместр 1933 г. Как говорит сам автор, статья эта была навеяна ему тремя статьями В. Марсэ в журнале «L'enseignement public» о положении арабского языка в Северной Африке (декабрь 1930 и январь и февраль 1931 г.). Еще ранее L. Massignon опубликовал интересные данные о распространении арабского языка под общим

¹ См. библиографию к статье И. Ю. Крачковского «Ново-арабская литература» (Зап. Инст. вост. Акад. Наук, III, стр. 181).

заголовком «*Eléments arabes et foyers d'arabisation: leur rôle dans le monde musulman actuel*» в «*Revue du monde musulman*», 1924, т. LVII, стр. 1—157. Весьма показательна и статья L. Brunot «*Pour une Réforme des Études Arabes*» в издании «*Bulletin de l'Enseignement Public en Maroc*», март 1928, № 87. Автор ее настоятельно призывает к изменению преподавания арабского языка во французских школах Северной Африки в сторону приближения его к условиям современной жизни. Таковы основные материалы, которыми я пользовался. К сожалению, я имел возможность ознакомиться только с первой из трех статей Марсэ, озаглавленной «Арабское двуязычие»; о содержании же остальных его статей приходится судить на основании цитат, приводимых Лесерфом, и его высказываний.

В результате своих наблюдений Марсэ, как указывает Лесерф, пришел к выводу, что арабский язык в Северной Африке в настоящее время если не угасает, то и не развивается. Марсэ говорит, что этот язык существует там в двух отличных друг от друга видах: 1) язык литературный или письменный, на котором пишут все, включая частные письма, но на котором, во всяком случае теперь, нигде не говорят, и 2) разговорные наречия, ни на одном из которых никогда не писали, не пишут и в данное время.

Этот первый, так наз. «вечный» арабский язык в описании Марсэ приближается к «мертвым», как иногда принято говорить, языкам и обладает основным недостатком всех научных языков — отсутствием гибкости, так как он утратил контакт с разговорным наречием, с жизнью. Словом, он как-бы тянет невольно носителей его назад в средние века или в еще более раннюю эпоху первых веков ислама, когда этот язык окончательно сложился и с каких пор он очень мало изменился. Далее автор статьи перечисляет трудности письменного арабского языка, которые порождают на каждом шагу двусмысленности. «Еще и в настоящее время, говорит он, — несмотря на усилия модернизировать этот язык, уточнить его словарь, понимание газеты в арабских странах остается привилегией меньшинства, которое положило долгие годы на овладение этим языком».

Второй язык — разговорный, будучи несравненно более простым для самих арабов (Марсэ здесь с достаточной яркостью описывает его специфические трудности для европейцев), является исключительно устным и никогда не казался арабам достойным сколько-нибудь серьезного изучения. Он замечает, что только иностранные ученые стараются воспроизводить разговорный язык в письменном виде, применяя для данной цели всевозможные транскрипции, что вызывает незаслуженные насмешки со стороны арабов по их адресу. Если у арабов можно иногда встретить записи в тетрадях песен или рассказов на диалекте, то записи эти, играя роль памяток, служат для частного употребления певца или рассказчика, а не предназначены для публики.

Марсэ считает, что в Северной Африке, лишенной таких очагов культуры, какими являются городские центры Востока, влияние письменного языка на разговорный всегда было слабым и связь между ними обоими более отдаленной, чем в других арабских странах. Нахождение же Магриба вдали от прочих местностей с арабским населением способствовало тому, что он всегда шел своими собственными путями, причем его наречия, в силу этого обстоятельства и известного влияния берберских языков, значительно отличаются от остальных арабских наречий. Внутри самого Магриба наблюдаются сильные отличия среди народных наречий, так, напр., говорит он, крестьянин марокканского севера и бедуин тунисского юга, встретившись, понимают друг друга довольно плохо. Однако эти различия не мешают тому, что зная хорошо одно из магрибинских наречий, можно в короткий промежуток времени освоиться и с другим, как Марсэ испытал на личном опыте. Он заканчивает свою статью вопросом, что же все-таки представляет собой арабский язык: один язык, два ли языка, и отвечает сам таким образом: «Два состояния одного и того же языка, достаточно различные для того, чтобы знание одного давало знание другого, достаточно сходные, чтобы знание одного значительно облегчало овладение другим. Это род животного с двумя головами, и какими головами! С которыми школьные программы не знают как обращаться, потому что они не приспособлены для помещения у себя чудовищ! Может быть можно заключить, что первым ответственным за кризис в арабском языке является сам арабский язык».¹

Не менее характерно для Марсэ заключение из другой его статьи, которое цитирует Лесерф в своей работе «Современный арабский язык как язык цивилизации». Оно настолько обращает на себя внимание, что я привожу его полностью: «Непрактично, неразумно и фактически случается очень редко, что два языка цивилизации сосуществуют очень долгое время в одной и той же стране. Когда конкуренты пользуются одинаковым престижем, выражают ощутительно одно и то же и говорят это так же хорошо один, как и другой, помогая основам чувствования, это расточение сил может продолжаться. Но когда один из языков — язык правящих, когда он открывает доступ большой новой цивилизации, когда он ясен, когда выражение мысли устное и выражение мысли письменное сближаются до максимума, а другой язык является языком управляемых, выражает в своих лучших произведениях средневековый идеал, если он неясен и в письменном виде принимает другую внешность, нежели в разговоре, то положение их действительно неравное. Первый должен неизбежно заставить второй отодви-

¹ Само определение Марсэ арабского языка, как «двух состояний одного и того же языка» и т. д., уже не позволяет ему характеризовать арабское двуязычие, как какое-то «чуждое явление», тем более что подобное явление свойственно в той или иной степени многим народам, не исключая и французов (достаточно указать хотя бы на провансальский язык в южной Франции) Д. С.

нуться назад». Истинный смысл этого рассуждения Марсэ сводится к весьма обычному тезису империалистов: язык правящих должен распространяться за счет уничтожения им языка управляемых, в данном случае — арабского.

Вот каковы в общих чертах взгляды Марсэ на положение арабского языка в Северной Африке по тем материалам, которые я имел в своем распоряжении.

Статьи Марсэ подали мысль другому французскому ученому, Лесерфу, как было уже упомянуто выше, опубликовать свои, указанные мною, работы, в которых он придерживается иного мнения, нежели Марсэ, по существу выдвинутых последним вопросов. Лесерф прежде всего заявляет, что наблюдавшиеся им факты в Сирии и Египте показывают совершенно иную картину, нежели та, которую нарисовал Марсэ в отношении Алжира, Туниса и Марокко.

Знаменитое «двуязычие» имеет место и на Востоке, но, замечает Лесерф, вместе с тем наблюдается вторжение языка письменного в язык разговорный или даже, может быть, появление гибрида, на котором предстоит объясняться. Подробно говорит об этом он и в своей работе: «Литература на диалекте и современное арабское возрождение», к которой мы перейдем после изложения взглядов, высказываемых им в статье «Современный арабский язык как язык цивилизации».

Лесерф считает, что арабский язык к концу XIX в. переживал состояние упадка: литература не давала ничего нового, да и количественно почти не возрастала, из политической и общественной жизни он был вытеснен турецким языком. Дело обстоит иначе только в Египте, пользовавшемся фактической независимостью в эпоху Мухаммеда 'Али, где языком управления и прессы был арабский язык и начинала развиваться новая арабская литература. Не лучшим было положение арабского языка и в школе. Он применялся только в начальном образовании в христианских и коранических школах, да в высших мусульманских, основанных на традиции. Наиболее важный участок — среднее образование — находился в руках иностранцев, а именно различных европейских или американских религиозных миссий. Арабскому языку там, конечно, не уделялось особого внимания, тем более, что, как отмечает Лесерф, стремления самих учащихся были направлены в сторону изучения иностранных языков для использования знания их в служебной или коммерческой деятельности у себя на родине, либо при эмиграции из нее. С учреждением правительством лицеев, преподавание в последних стало вестись на турецком языке. Лесерф делает заключение, что в этот период «арабский язык существовал только в форме туземного диалекта, будучи совершенно исключенным из всякого участия в цивилизованной жизни». Однако он упорно боролся за свое существование, так как устная литература продолжала процветать у бедуинов сирийских и аравийских пустынь и была распространена также среди оседлого населения, особенно сельского. Автор между

прочим сообщает, что в числе иностранцев и русские сумели создать центры своего влияния благодаря школьной деятельности, в частности в Бискинте на Ливане, одним из воспитанников школы которой является сирийско-американский писатель Михаил На'йма. А непосредственно перед мировой войной немцы также положили начало своему влиянию.

Положение, в котором находился тогда арабский язык, Лесерф сравнивает с нынешним его положением в Северной Африке. Путем больших усилий ему удалось постепенно выйти из этого тяжелого состояния. Важную роль в деле возрождения арабского языка, по мнению Лесерфа, сыграл прежде всего Египет, где была другая обстановка, нежели в остальных арабских странах, способствовавшая укреплению арабского языка и развитию литературы на нем, причем главными действующими лицами оказались там сирийские писатели, которые прибыли в Египет в поисках преимуществ свободной прессы. Одним из основных факторов такого развития Лесерф признает политические условия и утверждает, что отправным пунктом процесса лингвистической арабизации является создание административного и политического языка. Прежде чем возродилась литература, была организована пресса, говорившая языком национальных движений. Она дала сильный толчок развитию литературы, и следующим этапом была методическая организация образования. Вслед за тем, говорит Лесерф, развитие национальной литературы в Сирии способствовало подъему национального духа и окончательному распадению Османской империи. Наличие влияния французского языка в береговой части Сирии и английского в Палестине, к которому присоединился еще еврейский язык в качестве третьего официального языка, не приостановило роста языка страны, на котором работают все учреждения и который понимается всеми, а также развития дела образования.

Лесерф даже усматривает, что развитие арабизации имеет тенденции к арабизации неарабоязычных меньшинств, в частности турецких в 'Ираке и Джебзире. Такому росту языка содействовало использование Сирией, в широком смысле этого географического названия, и 'Ираком опыта Египта в области арабской прессы и литературы. Не останавливаясь на этапах развития той и другой, Лесерф отсылает к трудам по этим вопросам на арабском языке Х. Зейдана, Л. Шейхо, Ф. Таррази и на европейских языках Гибба, Кампфмейера и И. Ю. Крачковского. Согласно утверждению Лесерфа, наиболее ценные вклады в дело возрождения арабской литературы были сделаны Египтом и Сирией. Не мало сделали в данном направлении и сирийские эмигранты в Америке. Вклад же Аравийского полуострова оказался весьма незначительным.

Хотя современная литература придерживается классического языка, но она уже утратила его замкнутость и делает ставку на широкую публику, особенно пресса. Эта литература, как заявляет Лесерф, несомненно находится в более

тесном контакте с современной жизнью, чем древняя. Под влиянием Запада и школьное образование совершенствуется, что отражается даже на программах мусульманских теологических и юридических школ. Идет борьба за создание культурного и технического языка, и в этом отношении Дамаск стоит впереди Бейрута. Указанное движение Лесерф квалифицирует как неподавляемое и обеспеченное конечной победой. Он полагает, что арабский язык является в данное время единственным звеном, способным объединить всех наследников мусульманской культуры, которые не все мусульмане, и продолжателей арабской цивилизации, которые в большинстве не арабы.

Вместе с тем Лесерф отмечает ряд слабых пунктов, как он выражается, на существующем фронте арабского языка. Эти слабые пункты падают именно на периферию, где завоевательное движение было особенно сильным. Упомянув вскользь о сирийцах Америки, которые, несмотря на проявляемую ими активность, все-таки жалуются, что употребление арабского языка там уменьшается, он ограничивает свои замечания относительно слабых пунктов Египтом и Сирией, более хорошо ему известными и наиболее передовыми в смысле возрождения языка.

С одной стороны, Египет продолжает быть руководителем указанного движения, является колыбелью возрождения, с другой — нигде так сильно, как там, не сказывается иностранное влияние, а именно английского и французского языков, борющихся друг с другом за первенство. Иностранный язык занимает видное место в египетском официальном образовании. В виду традиционной схоластической постановки преподавания арабской литературы, арабское юношество гораздо лучше знает европейских классиков и проявляет к ним больший интерес, нежели к классикам арабской литературы; то же в известной мере относится и к языку. Затем Египет, желая сохранить свое первенство в вопросах арабской культуры, обычно уклоняется от участия в съездах, устраиваемых другими арабскими странами по арабскому языку и литературе, и, на ряду с сознанием своей принадлежности к арабскому миру, в нем развивается особое чувство египетского национализма.

Сирия, если ее понимать широко, состоит из целого ряда областей, имеющих свои особенности — внешние и внутренние. В самой южной ее части — Палестине пользуется распространением современный еврейский язык, являющийся языком официальным, язык известной части населения, который более или менее должны знать служащие. И хотя Лесерф не предполагает, чтобы этот язык серьезно проник в арабскую среду побережья, все же считает данный фактор заслуживающим быть отмеченным с указанием также на сохранившиеся в стране иностранные влияния. Будущее еврейского языка Лесерф ставит в зависимость от будущего сионизма.

Самая северная часть Сирии — бывший санджак Александретты — представляет местность, где турецкое влияние очень сильно и где французским мандатным властям все время приходится разбирать конфликты с ним связанные. Арабский язык там, по выражению Лесерфа, в школьном образовании находится на заднем плане. Близкое к этому положение вещей наблюдается и в Алеппо. Пресса и литература на турецком языке очень распространены. Характерно, что это единственное место, где теперь турецкий язык сохраняет арабский алфавит.

Наконец, Ливан представляет территорию Сирийского побережья, на которой господствуют иностранные влияния, как замечает Лесерф, не только культурные, но и лингвистические. Если, говорит он, в Дамаске арабская молодежь предпочитает сдавать экзамен на степень бакалавра на арабском языке, то в Бейруте наблюдается обратное явление. Предметы в средней школе обычно проходятся на иностранных языках. Молодежь, принадлежащая даже к мелкой буржуазии, охотно говорит между собой по-французски, либо пересыпает свою речь на арабском языке французскими фразами и выражениями. Лесерф сообщает один любопытный факт: египетский драматург Вахбй, приехавший в Дамаск, делал там в течение нескольких дней под ряд полные сборы, тогда как в Бейруте, несмотря на то, что спектакли его анонсировались заблаговременно, он смог сыграть только один раз, будучи принужденным возвращать деньги обратно за несостоявшиеся другие спектакли в виду недостатка публики.

Подобное положение арабского языка на Ливане Лесерф объясняет тем, что арабский язык, который преподается в бейрутских школах, не является языком обыденной жизни в противоположность Дамаску, где изучают арабский язык для того, чтобы им пользоваться. Он говорит, что в бейрутских школах весьма принято организовывать конкурсы по красноречию. В Бейруте действительно среди местной арабской интеллигенции есть много лиц, прекрасно владеющих классическим языком, и нет недостатка ни в ученых, ни в ораторах. Но этот язык — язык верхушек, недоступный широким кругам населения, язык, на котором произносят речи в парламенте, в смешанных судах, на торжественных литературных собраниях. Таковы замечания Лесерфа, касающиеся периферии, тяготеющей к западу и к северу (к Турции); центральные же области более привязаны к языку страны.

В результате изложенного Лесерф задается вопросом, каков же следующий этап языкового развития и в чью пользу он решится — в пользу центра или окраин.

Затрудняясь ответить определенно на столь сложный вопрос, зависящий, по его мнению, от политического положения этих стран, он делает последовательно одно за другим три предположения.

1) Что бы получилось, если бы Западная Европа перестала поддерживать арабские правительства? Они, — отвечает Лесерф, — вероятно развалились бы под наступательным движением Турции, и арабские страны были бы возвращены в состояние, в котором находились к концу XIX в. Один только Египет в этом случае мог бы сохранить свою языковую самостоятельность, так как он находится в стороне.

2) Лесерф делает предположение, что в случае отступления западно-европейцев могли бы возникнуть арабские федеративные республики, управляемые советами, официальным языком которых был бы арабский разговорный, и газеты стали бы печататься латинскими буквами. Лесерф говорит, что тогда классическому языку был бы нанесен решительный удар, который бы закончился его гражданской смертью. Он все время исключает Египет, судьба которого, как он заявляет, неизвестна, но допускает возможность, что и Египет в этом отношении последовал бы Советам, как последовала Турция в вопросе об алфавите. Одни лишь сиро-американцы продолжали бы пользоваться старинным алфавитом, как это делают теперь турецкие эмигранты, но и они бы отдались вполне разговорному языку. «Тогда, — заключает Лесерф это свое предположение, — развитие арабского языка началось бы в новой форме, и судьба его могла бы быть блестящей и даже очень благоприятной для духовного развития этих стран». «Однако будущее покрыто мраком неизвестности, и сами арабские ученые представляют перспективы своей страны еще меньше. Что касается меньшинств, то это было бы золотым веком для их языков».

3-я гипотеза — это сохранение status quo. В таком случае языковое развитие шло бы своим путем. Лесерф предвидит прогресс арабизации прибрежных областей, объединение городских наречий, которые приблизятся к классическому языку в части словаря и морфологии, параллельное развертывание двух литератур — классической и народной, специализирующихся в различных жанрах, причем народный язык будет питаться классическим, а классический становиться все более приближенным к жизни.

И, наконец, последний вопрос, который ставит Лесерф в рассматриваемой статье: «Возможно ли отступление арабского языка перед одним или несколькими языками Европы?» Лесерф дает на это отрицательный ответ. Он говорит, что такое отступление равносильно краху национальной идеи; такое решение предполагает регресс. «Иностранные языки — это роскошь, которую массы не могут легко оплатить», замечает он. И если бы все периферийные области озападнились, то арабский язык продолжал бы существовать в центре, в пустынях, кочевое население которых неоднократно в ходе истории совершало свои выступления, не желая оставаться в стороне от всякого культурного существования. Положение Северной Африки Лесерф считает аналогичным. Береговая полоса ее подвержена

иностранным влияниям, центральная же часть придерживается языка страны. Кроме того, говорит он, устои демократии выдвигают по преимуществу на первый план арабский язык, а влияние иностранных языков связано главным образом с существованием аристократического общественного строя.

Полемизируя далее с Марсэ, Лесерф заявляет, что трудность арабского языка так же, как трудность других языков, не служит серьезным препятствием для его распространения. Он приводит в качестве примера латинский и китайский языки и косвенно ссылается на русский и даже французский языки. С его точки зрения дело заключается не в трудности самого языка, а в способе пользования им, так как можно продолжать пользоваться двусмысленными сложными и запутанными оборотами, выискивать специально мудреные слова и выражения и можно стремиться говорить и писать просто на языке не оторванном от жизни. В этом смысле арабское традиционное письмо является только частью зла. Что касается знаменитого «двуязычия», то эта проблема стоит еще, конечно, в порядке дня, но и она в будущем также имеет шансы на благоприятное разрешение, исходя из существующей уже тенденции к постепенному сближению языков. Лесерф утверждает, что арабский язык является вполне жизненным. «Его будущее в руках писателей и людей действия, которые одни только могут создать ему, согласно пожеланию Михаила На'йма, почетное место в мировой литературе».

В следующем своем труде, который я уже упоминал, Лесерф проводит параллель между современным письменным греческим (катарévуса) и арабским языками, с одной стороны, и разговорными диалектами (греческий демотикй) обоих языков — с другой. Здесь он не видит, разумеется, полной идентичности, но наблюдаемая аналогия кажется ему весьма убедительною. Как в греческом, так и в арабском, Лесерф констатирует параллельное развитие обоих языков, причем указывает, что греческий разговорный язык правительственным декретом 1917 г. введен в качестве обязательного предмета обучения в начальных школах. Он считает, что арабский разговорный язык как бы находится теперь в стадии греческого разговорного языка до 1885 г., предшествовавшего кодификации «демотикй». В своем заключении Лесерф высказывает предположение, что в результате намечающегося сближения арабского литературного языка и диалекта в процессе параллельного языкового развития сферы их влияния будут разграничены жанрами, в которых каждый из них и теперь уже специализируется, и дело сведется в конце концов не к двум языкам, а к двум стилям одного языка.

Останавливаясь несколько на труде Saussey «Ибра'хйм Мазини и его „Роман Ибра'хима“, можно отметить, что Соссэй, рассматривая это проявление высшей формы литературно-художественного творчества на фоне современной арабской

литературы, последовательно ставит ряд вопросов, которые может быть и недостаточно резко им очерчены, но несомненно вытекают из хода самой его статьи.

1) Имеет ли данное литературное произведение художественную ценность: 2) является ли оно подражанием образцам западно-европейских романов или представляет собой нечто самобытное и 3) описывает ли автор действительно какие-либо стороны арабской жизни, или в этом романе нет ничего специфически арабско-египетского? В результате подробного анализа этого романа автор статьи отвечает положительно на все поставленные вопросы. Таким образом и здесь мы являемся как бы свидетелями успеха арабского языка (в данном случае литературного) на пути создания египетского романа и наблюдаем начало выхода представителей арабской литературы на большую литературную дорогу.

Л. Массиньон в начале своей работы, название которой приведено мною выше, устанавливает положения, последовательно подтверждаемые им на всем ее протяжении. Эти положения следующие:

1) Для арабской культуры важны только городские диалекты, литературный идеал которых не только «лечение» местных говоров, постоянно угрожающих рассыпаться, но и гарантия их понимания. Деятельность прессы усилила значение литературного языка в разговоре образованных людей мусульманского мира. Они отдадут отчет, что это их вспомогательный интернациональный язык, единственно способный организовать единый оборонительный фронт. 2) Будущность арабизации зависит от языка, а не расы. Будущность арабского языка зависит не от местной жизни (диалектов), а от приспособления городских говоров к современной цивилизации.

В первой главе «Арабский вопрос и арабский язык» Массиньон высказывает мысль, что наблюдающийся подъем арабов начался движением лингвистического возрождения, которое возникло в Бейруте после 1850 г.: Затем, благодаря легкости печатания, оно передалось в Каир, а в настоящее время пытаются создать для него центр в Багдаде. Вторым отправным пунктом арабского национального возрождения Массиньон считает образование тайных политических обществ, которые могли умножаться на арабской земле под турецким владычеством после конституции 1908 г.

Затем он говорит о том, что арабизация и исламизация не переставали быть явлениями социально-различными. Арабское племя Ахл-Мурра на юге Неджда только в начале XIX в. стало мусульманским. В Мавритании не арабские племена, а берберские поддерживают положение мусульманской религии. По мнению Массиньона кочевой образ жизни арабов оказывал сопротивление их окончательной исламизации. Наоборот, с первых веков гиджры констатируют, что главная сила ислама исходит от обращенных, которые не были арабского происхождения.

Если, — замечает Массиньон, — исследовать карту мусульманского мира, то мы находим, что группой наиболее значительной численно является этническая группа индоевропейского происхождения, состоящая из персов, индусов и курдов (90 миллионов), за которой следуют малайская группа (45 миллионов), группа туранская или тюркская (30 миллионов) и наконец группы берберская и негритянская. Арабская группа занимает только четвертое место перед этими двумя последними.

Общий итог распределения жителей отдельных стран в языковом отношении дает по подсчету Массиньона 11 655 000 арабов на 33 420 000 арабизованных и арабоязычных, из которых 14 миллионов падают на Египет и Египетский Судан, 9 — на Арабский полуостров и 7 — на Магриб. Таким образом, в общей массе мусульманского мира, исчисляемого по этим статистическим сведениям в 227 миллионов человек, арабский этнический элемент представляет лишь 5%, а арабизованные элементы около 15%.

Цифры эти, как констатирует Массиньон, не соответствуют тому большому моральному значению, какое имеет арабский язык для мусульманского мира. В виде диалектов, будь то в Магрибе, будь то в Египетском Судане, арабский язык определенно развивается. Массиньон предпочитает заменять противопоставляемые обычно одно другому слова «арабский простонародный» и «арабский литературный»: первый — бедуйнские и сельские диалекты, второй — городские диалекты.

Он тут же оговаривается, что городской диалект не обозначает полностью арабского литературного языка, но что последний служит идеалом, к которому городской диалект не перестает стремиться, и что эти диалекты одни только ставят вопрос о лингвистическом единстве всего современного арабского мира. Они черпают в арабских классических словарях различного рода термины, общие не только для всего арабского, но всего мусульманского мира. За истекшие 30 лет наблюдается быстрое обогащение арабского языка техническими научными терминами, которыми пользуется известная часть представителей интеллигенции и людей, занятых в администрации и торговле. Отсюда Массиньон делает вывод об единственной значимости для арабской культуры городских диалектов. Он считает неправильным, как построенный на ложной аналогии, тезис Захави и Искандари, устанавливающий параллелизм между раздроблением латинского языка на романские диалекты в Западной Европе и раздроблением арабского литературного языка на различные арабские народные диалекты нашего времени в Северной Африке и Азии.

Массиньон заключает рассматриваемую главу соображением, что, несмотря на географическую разбросанность арабских этнических элементов, они все более и более привлекают, благодаря распространению книг и журналов, арабский

литературный язык в качестве общего орудия мысли и действия, вследствие улучшившихся теперь в каждой мусульманской стране форм педагогической передачи.

Во второй главе Массиньон подводит историческую базу к существующему распространению арабских элементов и в последующих главах излагает современное положение вещей в Северной, Центральной и Восточной Африке, в Азии и отдельных арабских колониях в Азии и Америке. Сообщаемые им данные весьма показательны и заслуживают быть приведенными. Изложение их Массиньон начинает с Марокко. Он говорит, что арабское население там никогда не было очень значительным численно. Арабские очаги бедуинского населения играли весьма ограниченную роль в арабизации Марокко. Арабизация совершалась в городских центрах благодаря городскому населению служащих и ремесленников, сначала кайраванского, а затем андалусского происхождения, в результате соединения которых была образована столица Фёс. Если кайраванский элемент почти не получал себе подкрепления с востока, то андалусский непрерывно пополнялся по мере христианского завоевания Испании, особенно после XIV в. Иммиграционная волна охватила прибрежные города, а затем внутренние центры — Тетуан, Фёс и Мекнес. Падение Гренады в 1492 г. и окончательное изгнание мавров (морисков) из Испании в начале XVII столетия явились завершением иммиграции, причем последний контингент этих арабизованных мусульман даже говорил по-испански, а не по-арабски. Упомянутое явление объясняет наличие многих терминов испанского происхождения в обиходе марокканских ремесленников. Согласно утверждению Массиньона, марокканские города говорят на городском диалекте, особо произносимом в Фесе, с одной стороны, с другой — в Танжере, Сеуте и Тетуане на севере и в Рабате. Колонии фесских коммерсантов пропагандируют городской говор Феса в других марокканских городах — Казабланка, Ужда и Таза. Маракеш, который говорил еще в XVII в. на берберском наречии «шилха», оказывается мало-по-малу завоеванным арабским благодаря слоям служащих и коммерсантов.

Около этих городов, являющихся экономическими и интеллектуальными очагами для окружающих берберских племен, происходит арабизация оседлых племен и образование среди них сельских арабских диалектов. Ссылаясь на лингвистические исследования французских ученых, Массиньон перечисляет ряд берберских племен, которые говорят теперь на специальном сельском арабском диалекте; некоторые из них не только сами сделались арабоязычными, но представляют центры арабизации для соседних племен.

Здесь Массиньон высказывается вообще о существующей проблеме берберского языка, ставя вопрос, есть ли основание думать, что берберский язык сможет унифицироваться и сделаться национальным марокканским языком. Он

говорит, что Огюстен Бернар в своей работе, появившейся в «*Annales de Géographie*», снижает указывавшееся в «*Annuaire du monde musulman*» количество марокканцев, говорящих на берберском языке, с 60 до 40%. Массиньон замечает, что это меньшинство, значительное по своей численности, не имеет какого-либо основного диалекта; не выработана также система латинской транскрипции, которая была бы правильной и удобной для берберского языка, и французская администрация сочиняет своды постановлений обычного права берберских племен на французском языке, во избежание того, чтобы они не были составлены на арабском. В связи со школьной программой 1923/24 г. там было открыто 6 франко-берберских школ.

Далее Массиньон выражает любопытное мнение, что самое продвижение французов внутрь страны несет с собой арабизацию в виду представляющейся тогда возможности более легкого проникновения торговцев, служащих, и в каждом арабоязычном чиновнике видит как бы проводника арабизации.¹ Другим фактором распространения арабского языка в берберской стране он считает исламизацию. Культ мусульманских святых у берберских племен в Марокко усиленно способствует проникновению мусульманских обычаев. Около могилы святого возникает «завийа» его потомков; они имеют книги на арабском языке и часто кораническую школу. Такие «завийа» служат очагами арабизации.

Наконец, большое рабочее движение, которое влечет местных жителей в прибрежные порты в поисках работы, также их приобщает к арабскому языку, и они, возвращаясь к себе с заработков, пропагандируют этот язык взамен своего местного диалекта. На вопрос о том, можно ли обнаружить в берберах Марокко чувство их этнического берберского происхождения, Массиньон отвечает, что берберы гораздо более горды своей принадлежностью к исламу, нежели своим берберским происхождением. Характерен сам по себе факт, что почти все мусульманские ученые Фёса, будучи берберского происхождения, ничего не сделали для очищения своего родного диалекта. Цифры, которые приводит Массиньон для Марокко, таковы: из 4 300 000 марокканцев только 500 000 арабов по происхождению на 2 200 000 арабоязычных.

В Мавритании из 200 тысяч мавританцев (негров 50 тысяч), Массиньон насчитывает 20% жителей арабского происхождения и 80% берберского, — следовательно 40 тысяч арабов. С лингвистической точки зрения первенство здесь принадлежит арабскому языку; бербероязычные представлены на юго-западе в количестве 25 тысяч человек. Массиньон отмечает важное значение берберских племен в культурном отношении: они являются монополистами педагогического и религиозного образования населения, наиболее активными пропа-

¹ Очевидно в данном случае мы имеем известное подтверждение пословицы — «у страха глаза велики».

гандистами арабской классической литературы, коранического права и мусульманских конгрегаций.

Помимо этих арабов и арабизованных Массиньон упоминает еще о 100 тысячах арабов в Западной Французской Африке и указывает, что, несмотря на незначительную их численность в общей массе населения, арабизация и особенно исламизация там прогрессируют. Хотя ислам пропагандируется и на местных языках, все же арабизация также имеет место в виде распространения арабского алфавита и цифр. Массиньон ссылается на Деляфосса, который описывает факты паличия во многих селах не только в Сенегале, но даже до Верхнего Берега Слоновой Кости, образованных мусульман различных негритянских племен, паучающихся писать по-арабски без грамматики и словарей арабского языка, составленных на их родном языке. Эти люди имеют маленькие библиотеки арабских печатных и рукописных книг и распространяют вокруг себя господство арабского языка; ислам служит для них интеллектуальным возбудителем, обязывая их изучать арабскую грамматику.

В Рио-де-Оро (Испанской Сахаре), цифру населения которого Массиньон определяет в 50 тысяч человек, на ряду с оседлыми берберами живут энергичные кочевые племена арабского происхождения, и процесс арабизации среди берберов тоже имеет место.

Относительно Алжирии Массиньон приводит следующие данные. На 4 971 000 алжирских мусульман, около которых сосредоточивается 831 000 европейцев и ассимилированных, приходится до 1 миллиона местных жителей арабов, большей частью кочевников; другие арабоязычные в количестве 2 миллионов весьма вероятно берберского происхождения, хотя некоторые известные семьи приписывают себе арабскую генеалогию. Остальные 1 300 000 местных алжирских жителей бербероязычные (т. е. 29%).

Арабы, кочующие на высоких плато, слабеют численно и политически. Взамен этого берберский элемент, сельский и городской, постепенно арабизуется. Некоторые двуязычные берберы все более и более употребляют арабский язык. Массиньон находит своевременным поставить вопрос относительно последнего берберского ядра, Кабилии, какой язык там сделается вспомогательным — французский или арабский. Он заявляет, что если хотят добиться первенства французского языка, то необходимо усилить там школьное движение, особенно в отношении женских школ, так как, несмотря на просьбы со стороны населения, в Кабилии количество школ еще недостаточно.

Он полагает, что с берберским вопросом в Алжирии дело обстоит несколько иначе, нежели в Марокко, в виду различия условий. Здесь нет таких очагов арабизации, какими служат большие города в Марокко, и не было сильной административной централизации под властью единого государства, которое бы про-

пагандировало арабскую культуру среди жителей; под владычеством турок, ограничивавшимся побережьем, арабизация оставалась стационарной.

Со времени же французской оккупации, сопровождавшейся развитием путей и средств сообщения и приобщением новых групп местного населения к городской жизни, вновь созданные условия косвенно способствовали арабизации. Ее нельзя отрицать, даже принимая во внимание значительные успехи «францизации» с точки зрения правов и употребления французского языка как вспомогательного. Повсюду наблюдаются стремления к очищению языка под влиянием арабского литературного, и, так как ислам в Алжире является чисто арабоязычным, арабский язык начинает господствовать уже и там, где хариджиты хранили долгое время свои специальные произведения на берберском языке. Массиньон сомневается в возможности изменить существующее положение вещей, хотя «францизация» достигла больших успехов в известных городских центрах и сельских массах Кабилии. Он указывает на признаки возрождения мусульманских конгрегаций, с одной стороны, и с другой — на новые тенденции к созданию корпоративных объединений среди местных жителей, которых очевидно не удовлетворяют европейские профсоюзы.

Относительно арабского литературного языка высказывается взгляд, что он не развивался успешно в Алжире, хотя некоторое количество мусульманских ученых, имевших значительное литературное влияние в арабском мире в течение XIX в., было алжирского происхождения. Выражается сомнение в том, чтобы здесь могли создаться в настоящее время такие центры обучения, как в Фесе и Тунисе. Наиболее образованная часть алжирских мусульман не стремится к этому, а обнаруживает тенденцию проводить французскую политику. Педагогические усилия очень невелики: Msid modjedded, или обновленные коранические школы, и появление эфемерного журнала «Lisan El Dine», который под тунисским влиянием распространяется в Константине, но не пользуется успехом в Алжире.

Тунисию Массиньон рассматривает как наиболее арабизованную страну в пределах северо-африканского французского блока. С самого начала мусульманского завоевания она была колонизирована арабскими племенами. Последняя же волна докатилась до Туниса в первую четверть XVII столетия в виде переселения мавританских семей, изгнанных из Испании. При 2 миллионах жителей, из которых 1 900 000 мусульман и 48 000 местных евреев, все мусульманское и еврейское население является арабоязычным. Берберский язык полностью исчез, так как официальная статистика 1922 г. показывает только 20 тысяч бербероязычных тунисцев.

Что касается самого города Туниса, то по статистическим данным 1921 г. там из 172 тысяч жителей 71 тысяча арабоязычных мусульман, 73 тысячи европейцев и 28 тысяч евреев.

Городские диалекты из *Ҳайравāна* и *Махдйи*, как центров, распространились по другим городам. Вокруг городов образовались сельские диалекты, и третье место занимают бедуйские диалекты.

Благодаря паломничеству в Мекку Тунисия не переставала находиться в тесном контакте со всем мусульманским миром. Происходящее в ней развитие арабского языка основывается на интеллектуальном возрождении арабского Востока. Ежедневная пресса значительно расширяется, и влияние ее распространяется также и на марокканские города. Расширение это идет параллельно развитию политических и религиозных стремлений ислама в стране. Подобно Египту здесь имеются политические партии: реформистская (газета «*Nahda*»), либерально-конституционная (газета «*Zohra*») и националистская (газеты «*ʿAsr Djadid*», «*Oumma*», «*Momaththil*»). Научная академия, основанная в 1924 г., подражает таким же академиям, основанным после войны в Дамаске и Каире.

Сможет ли арабское возрождение в Тунисии, констатируемое с 1905 г., развернуться примерно в тех пределах, какие имеют место в Сирии и Египте, принимая во внимание рост «францизации» в городах? Массиньон отвечает, что решающие факторы в этом вопросе — численность и педагогическая подготовка. Тунисию с ее двумя миллионами жителей, из которых 200 тысяч европейцев, нельзя сравнивать с Египтом, насчитывающим 13 миллионов жителей. С другой стороны, французские школы все более и более усиливают свою деятельность среди местного арабского населения. Особенно это касается женских школ. Если смешанные браки француженок с мусульманами в Тунисии, как замечалось до сих пор, не приводят к ассимиляции с французами, что наблюдается в Алжире, то мусульманки Тунисии, благодаря воспитанию во французских школах, подвержены сильному французскому влиянию.

Эмиграция рабочих из Туниса во Францию весьма незначительна.

Итальянская Ливия, распадающаяся на две отличных друг от друга части — Триполитанию и Киренаику, представляет в первой ее части (западной) берберскую страну, а во второй, прилегающей к Египту, всецело арабизованную. Массиньон считает, что из 570 тысяч жителей Триполитании 200 тысяч составляют арабы и 300 тысяч берберы. Большая часть берберских племен как побережья, так и горных областей арабизованы. Хотя итальянская статистика не позволяет точно судить об этом, но все же не подлежит сомнению, что 77% местного населения являются арабоязычными. В противоположность Тунисии городской мавританский элемент численно незначителен, и его политическая роль ограничивается почти исключительно самим городом Триполи.

В Триполитании еще более чем в Тунисии арабская проблема связывается с мусульманской проблемой. Стремления итальянцев воспитать в мусульманах чувства «триполитанской национальности» не увенчались успехом. По мнению Мас-

синьона, люди действия, стоящие во главе движения в пользу триполитанской автономии, опираются на панисламистские течения, ведущие, с одной стороны, в Каир, с другой — в Стамбул.

Плодородное плато Киренаики, политически принадлежавшее Египту до 1798 г., было полностью арабизовано с самого начала завоеваний ислама.

Из 225 тысяч жителей (эта цифра считается сильно преувеличенной) насчитывается 200 тысяч арабов и 25 тысяч берберов, которые давно уже сделались арабоязычными. Движение сенуситов сильно способствовало арабизации Сахары.

Египет рассматривается Массиньоном как главный очаг арабизации в мусульманском мире. Арабизация местного населения коптского происхождения протекала довольно медленно. Коптский язык защищался до XVIII в., когда он окончательно исчез. Около 92% жителей современного Египта — коптского происхождения и только 8% арабского.

Берберские племена, которые играли важную роль в Верхнем Египте, уступили ее арабским племенам в XVIII в., и берберский язык существует только в оазисе Sioua. То же можно сказать о некоторых других племенах Верхнего Египта, которые оставляют свой хамитский диалект, заменяя его арабским.

Таким образом в Нильской долине Египта сосредоточена по численности почти половина арабоязычных всего мира, хотя в подавляющем большинстве они коптского происхождения. Возможно ли пробуждение среди коптов чувства национальной независимости, некогда существовавшей? Массиньон полагает, что Египет в течение уже долгого периода служил очагом арабской классической литературы и слишком близок к Аравии и Сирии. Наконец, хотя уже многие годы тенденции египетской молодежи являются национальными и демократическими и она все менее и менее исходит из религиозно-мусульманской точки зрения, все же Египет находится географически в центре мусульманских стран, и трудно допустить, чтобы он смог отвлечься от этого.

Вместе с тем Египет представляет собой мировой центр, одновременно как в отношении арабской педагогики и издания книг на арабском языке, так и в смысле мусульманского вероучения и издания книг по исламу. Старинный университет Ал-Азхар (основан в 973 г.), где обучение является более религиозным и традиционным, нежели научным и национально-египетским, продолжает сохранять свой престиж вне Египта во всем мусульманском мире. В его стенах можно встретить мусульман различных наций, и не всегда египтяне по происхождению играли в нем выдающуюся роль, хотя за последние два-три века процент египетского элемента среди преподавателей не перестает расти.

Египетское национальное правительство не успело еще создать на ряду с Ал-Азхаром современный национальный университет (с 1925 г. в Египте

существует Государственный университет со многими европейскими профессорами). Начальные, средние и высшие школы, которые создавались в течение многих лет, чтобы улучшить обучение на арабском языке в городах Египта, сильно способствовали модификации мышления страны не только среди мужчин, но и среди женщин. Между тем это обучение, начатое и окруженное европейцами, не приобрело полностью права гражданства в Египте, и комиссии, которые были обязаны периодически составлять арабские технические словари для передачи терминов соответственно новым знаниям и изобретениям, не пришли еще к удовлетворительным результатам. Однако в этом смысле Египет был полем наиболее интересных опытов для возрождения арабского языка. Данные опыты, впрочем, производились главным образом с помощью арабоязычных — не египтян, и в большинстве сирийцев по происхождению. Последние также находятся во главе книжных предприятий и периодических изданий. Отсюда видно в отношении Египта, что арабская проблема не совпадает с вопросом национально-египетской независимости. Египтяне по происхождению в течение 50 лет принимали участие в развитии арабской книги в Египте, но они не могли ни начать его, ни возглавить. То же явление наблюдалось и в области развития мусульманских знаний, как уже упоминалось выше.

В Каире лучше всего изучать новые стадии египетского вопроса. Несмотря на то, что Тунис город столь специфически арабский и мусульманский, европейзация в нем значительно продвинулась вперед со времени последней переписи, чего нельзя сказать о Каире. Со своими 900 000 жителей и 430 мечетями он продолжает оставаться центральным городом мира, говорящего по-арабски и молящегося в сторону Мекки. Не мусульман в нем не более 150 тысяч. Однако, начиная с эпохи Мухаммеда 'Али план города коренным образом изменился. Он не является более мусульманской столицей: на ряду с университетом Ал-Азхар, базарами и мечетью Хусейна, другие мусульманские кварталы пересечены большими улицами с домами на европейский лад и потеряли свою традиционную особенность.

Удастся ли арабскому языку удержать свое лингвистическое первенство? Для решения этого вопроса Массиньон отсылает к приведенным им уже соображениям за и против употребления арабского языка в стране современной цивилизации. Он заканчивает сведения о Египте следующими словами: «Думали, что провинциальный диалект Египта, зафиксированный уже с XV в. нашей эры (дйвāн Ибн-Судуна), национально индивидуализируется, но современная эволюция арабского языка в Египте далека от того, чтобы ориентировать его в сторону „вульгаризации“».

Что касается Египетского Судана, Центральной и Восточной Африки, то здесь вопрос об отношениях между арабизацией и исламизацией складывается

иначе, нежели в Северной Африке и Египте. Если в последних число арабских колонистов, пришедших с мусульманским завоеванием или вследствие мусульманской оккупации, было довольно значительным, чтобы иметь вполне определенное социальное влияние и служить базой постепенной арабизации местного населения, то в первых арабские этнические элементы были настолько слабы, что не могли играть ведущей роли. Как оседлое население, так и существующие во всей Африке две касты кочевников — каста пастухов и каста торговцев — представляют собой не арабские этнические элементы. Исламизация внедрилась в эти страны благодаря двум указанным кастам кочевников, но она произошла вне распространения арабского языка.

При почти 4 500 000 жителей в Египетском Судане имеется около миллиона арабоязычных, из которых 600 000 считаются арабского происхождения. Это происхождение кажется весьма проблематичным. Общее количество мусульман исчисляется примерно в 2 800 000. Уже в Египте знают, что, идя по направлению к югу, арабский язык прекращается в Қосейре на Красном море и в Ассуане на Ниле. Большинство населения составляют нубийские хамитские племена, к которым примыкают на периферии смешанные племена, на северозападе полунегритянские, полуберберские, на юге чисто негритянские.

Ислам в Судане укрепился за последний век благодаря египетскому завоеванию, сначала путем приобщения к исламу местных вождей, занимавшихся работоторговлей, затем, в последние 50 лет, путем все более и более активного участия верхушечных слоев населения суданских городов в политической и общественной жизни Египта. Этому весьма способствовало школьное движение. Школы, созданные в течение ряда лет, вырастили суданскую молодежь, которая, повидимому, до сих пор объединяла полностью свои стремления со стремлениями египетской молодежи. Программа тайных обществ, основанных среди этих молодых людей, в точности воспроизводит националистско-египетскую программу.

Можно ли ожидать в Судане возникновения автономного нубийского движения, отличного от националистского египетского, которое основывается на ином элементе — исламизованном коптском? Массиньон считает этот вопрос несколько преждевременным. Если национально-египетские тенденции начинают только укрепляться, то нельзя говорить, несмотря на старания британской администрации, об автономных суданских стремлениях, отделяя вопросы Верхнего Нила от вопросов Нижнего Нила, тогда как экономический режим ирригаций требует тесной солидарности между Египтом и Суданом. Кроме того во всей долине Нила существует арабская политика бедуинских племен, отличная от национально-египетских интересов и нубийских экономических нужд.

В Центральном Судане — как к востоку, так и к западу от озера Чад — едва ли можно говорить об арабизации. Бурну в британской зоне является крайним пунктом арабизованной кочевой иммиграции. Лучшая часть среди так наз. *Schûwa* — «пастухов» сыграла известную политическую и педагогическую роль. Их восточный арабский диалект, довольно чистый, был египтизирован с 1892 г. вследствие нашествия работорговцев, прибывших из Египетского Судана.

Арабизация, обязанная этим «*Schûwa*», прогрессирует, не будучи пока глубокой.

На французском берегу озера Чад арабизация тоже очень слаба. Из общего количества жителей 1300 000 считают 200 тысяч арабизованных и 400 тысяч арабоязычных (из 200 тысяч арабизованных количество арабов исчисляется не более 100 тысяч). Исламизация проходила на местных языках, и трудно сказать, даже при условии прогрессирования, приведет ли она к сильному распространению арабского языка. Паломническое движение в Мекку, в котором охотно участвуют нубийцы Египетского Судана со времени открытия железной дороги между Хартумом и Красным морем (Порт Судан), является здесь более сложным делом.

Положение вещей в Эритрее, неотделимой в социальном отношении от Абиссинии, и самой Абиссинии Массиньон рисует следующим образом. Хотя Эритрея расположена на довольно близком расстоянии от Йемена, так как находящееся между ними Красное море нешироко, Абиссиния за все время существования ислама никогда не была местом сколько-нибудь значительной колонизации со стороны арабских племен. Это объясняется крепкой политической спаянностью маленького христианского государства, которое защищалось от мусульманского окружения. Исламизация все же постепенно расширялась, особенно в соседней с Йеменом Эритрее благодаря торговому влиянию арабов, но не влекла за собой арабизации (на 460 тысяч жителей Эритреи приходится 225 тысяч мусульман). В собственно Абиссинии процент мусульман достигает 37. Арабская литература проникла в Абиссинию из Египта через коптов-христиан. Арабский язык имеет некоторые шансы развиваться на востоке Абиссинии, в частности по линии железной дороги из Джибути, и является официальным в *Aoussa* и *Djimma*.

Несколько другое положение в смысле арабизации наблюдается в трех Сомали — Французском, Британском и Итальянском и на восточном берегу Африки. Вследствие иных исторических и социальных условий, нежели в Абиссинии, благодаря постоянным связям арабского юга с восточным берегом Африки, волнам арабской колонизации — влияние арабов здесь было всегда более сильным. Йеменский диалект 'аданй служит вспомогательным языком на побережье трех Сомали. Идя с севера на юг по направлению к Мадагаскару, мы встречаем три основных группы населения: сомали и галла — на севере, суахили — на юге. Каково может

быть будущее арабизации в этих трех группах, полностью исламизованных, спрашивает Массиньон. Группа сомали, говорит он, вероятно арабизируется. Прежде всего здесь имеется значительное количество мусульманских конгрегаций, кадры которых пополняются из Аравии. Кроме того близость Аравии, смешанные браки могут облегчить арабизацию известного круга. В некоторых частях Итальянского Сомали существуют центры арабского воспитания, но уровень последнего остается крайне элементарным.

То же, примерно, замечается и у галла, при меньшей ревности их к исламу и более слабой возможности распространения арабского языка. Группа суахили, представляющая собой прибрежных банту, принявших ислам, несмотря на влияние на них известной части арабов-оманцев, прогрессирует скорее в смысле исламизации, чем арабизации. На Занзибаре, например, имеются различные мечети соответственно этническим группировкам мусульман, которые ими обслуживаются: мечети разных индусских мусульманских сект, мечети для двух подразделений арабских колонистов (шāфи'итов и ибādитов) и затем для обращенных из местных жителей. Язык суахили, обнаруживающий тенденцию сделаться вспомогательным для всего восточного берега Африки, остался языком банту по своему синтаксису, хотя содержит известное количество арабских терминов.

Этим Массиньон заканчивает изложение сведений относительно арабских и арабоязычных стран Африки и переходит к Азии.

Все 4 миллиона жителей Аравии принадлежат к арабоязычным, но не все они чисто арабского происхождения, замечает он. Особенно после исследований Фоллерса (1907 г.) филологи считают, что имя арабского языка должно быть сохранено за диалектами центра севера, т. е. Хиджаза и Неджда. Упомянутый лингвистический район включает около 1 250 000 жителей. Южная Аравия, населенная племенами различного происхождения (Кахтаниды), говорит уже на «южно-арабском языке» (диалекты минхали, махри и хакли), характерные черты которого значительно разнятся от чисто арабских диалектов севера (существуют также некоторые промежуточные диалекты).

Арабский националистический подъем, который укрепляется теперь, имеет два разных источника: один, периферический, просочившийся в Аравию в результате возрождения арабского литературного языка в городах Сирии, начавшегося с 1850 г., другой, центральный, обязанный ригористской религиозной реформе, которая утвердилась в Неджде после 1750 г. с ваххабитами. Хотя второе движение более древнее, однако его значение усилилось с политической точки зрения только за последние годы.

Центральное националистское движение, подготовленное ваххабитами, имеет более глубокие корни, возможно более серьезные, нежели шумное хиджазское движение, поддержанное в 1916 г. англичанами, которым не помешало в октябре

1924 г. свести со сцены его главу, короля Хиджаза Хусейна, претендовавшего быть королем арабов. В настоящее время Ибн-Са'уд является в Аравии наиболее крупной политической фигурой со всех точек зрения.

Препятствием к национальному объединению Аравии Массиньон считает прежде всего клановый дух; затем (если допустить, что он уступит развитию национальной идеи), наличие в Аравии давно арабизованных элементов, диалекты и вековые обычаи которых доказывают, что они не арабского происхождения и что арабизация их не окончена. Если на севере Аравии эти элементы незначительны, то вся Южная Аравия, в массе, населена элементами, совершенно отличными от чисто арабского типа как с этнической точки зрения, так и культурной, и не представляется вероятным, чтобы их политическая эволюция могла управляться будь то Хиджазом или Неджом. Усилия короля Хусейна проникнуть в Йемен разбились о весьма определенное сопротивление имама зейдитов, местная автономия которого укрепилась уже много лет назад. Попытки Неджда в отношении Неджрана тоже не имели успеха, несмотря на сильную религиозную пропаганду. Наконец, третье препятствие (этнического характера) заключается в быстром росте иностранных мусульманских колоний как на побережье, так и в самой Мекке. Таким образом арабизация в Аравии не закончилась ни с этнической стороны, ни с лингвистической.

В Сирии и Палестине, продолжает Массиньон, арабизация началась с очень древних времен путем оседания некоторых кочевых племен до ислама и усиленно возобновилась с первых шагов мусульманского завоевания. В Сирии находится около 600 000 арабов кочевников и принадлежащих к старинным родам оседлых жителей в городах на 2 300 000 сирийцев; в Палестине процент арабов еще значительнее, и на 760 000 жителей, на ряду с 50 000 арабов-кочевников, большая часть 590 000 палестинских мусульман арабского происхождения, т. е. примерно 400 000.

Арабизация происходила в Сирии вокруг городов, арамейское население которых получило сильный арабский отпечаток. В горах оно более сопротивлялось арабизации, особенно у алавитов и ливанцев.

Арабский вопрос возник в Сирии и Палестине приблизительно с 1850 г. Это было арабское интеллектуальное возрождение, обновление лексики, направляемое арабами христианами Бейрута под влиянием европейских школ — католических и протестанских, которые умножались в стране. Упомянутое движение мало-по-малу охватило сирийское мусульманское большинство благодаря различным тайным обществам, состоявшим в коалиции с турецким Франк-массонством и комитетом «Единение и прогресс» с целью добиться конституционных свобод. Когда же революция 1908 г. была окончена, комитет «Единение и прогресс», в котором господствовали националистские турецкие тенденции, объявил войну

арабским тайным обществам в Сирии. С последними очевидно был связан, начиная с 1910 г., сын шерифа Мекки — Фейсал.

После того как турецкие армии в 1917/18 г. эвакуировались из Палестины и Сирии, арабское национальное движение распространилось в обеих странах. Однако оно почти сразу было парализовано в Палестине англо-сионистским соглашением, заключенным помимо арабов, и возглавлявшие арабское национальное движение лица сосредоточились снова в Сирии, ведя крайне энергично пропаганду в пользу установления там хашимитской династии. Провозглашенный в марте 1920 г. королем Сирии Фейсал должен был уйти в июле 1920 г. в результате оккупации Дамаска генералом Гуро, не встретив никакой поддержки со стороны англичан.

После 1920 г. арабское движение в Сирии и Палестине имело своим центром Трансиорданию, где британское правительство водворило брата Фейсала 'Абдуллаха, которому был обещан трон Дамаска. Но Трансиордания оказалась слабой оперативной базой, и палестинские арабы, которым угрожает сионистская колонизация, могут рассчитывать только на самих себя, так как Трансиордании приходится защищать свою маленькую территорию от рейдов истинных арабов пустыни, ваххабитов.

От этого большого арабского движения 1915—1924 гг., говорит Массиньон, остается довольно много любопытных народных песен и слабое движение школьного обновления, особенно ощутительное в Хамā и Хомсе. Оно сначала должно было захватить позиции, утраченные арабским языком вследствие насаждения турецкого языка в течение последних лет управления Сирией оттоманскими агентами. С 1912 г. турецкое правительство, следуя германскому способу, систематически пыталось искоренить арабский язык на севере Сирии и даже в некоторых кварталах Дамаска. Эта мера, поддержанная административными строгостями, привела в районе Александретты и Антиохии к дезарабизации известного числа центров. В Алеппо в продолжение 20 лет типографии не смогли выпустить более двух-трех книг на арабском языке, но население в массе сумело сохранить свой язык. В конце концов в Бейруте турецкий язык полностью исчез, а 15—20 тысяч жителей Дамаска, для которых турецкий язык служил в качестве вспомогательного, мало-по-малу его забыли. Тем не менее проблема туркизации в Сирии еще существует в отношении северной ее границы.

На 3 300 000 жителей Сирии и Палестины вместе взятых, на ряду с одним миллионом арабов, приходится два миллиона арабизованных арамейцев, также арабоязычных, однако старинный национальный язык Сирии — сирийский еще не исчез окончательно.

Массиньон все же не допускает возможности говорить ни о сирийском национализме на базе сирийского языка, ни даже о сирийском национализме на

базе арабского языка, очагом которого, видимо, является Дамаск и который все более и более опирается на мусульманские элементы и мусульманскую идею. Он считает также трудно осуществимым в силу географических и социальных причин, чтобы Сирия и Палестина смогли образовать совершенно независимое государство. Сирия в течение многих веков была страной международных отношений, зависимой интеллектуально и экономически. По мнению Массиньона, только внешнее влияние и «умеренный европейский контроль», гарантируя внутренний мир, поможет ей восстановить ту социальную базу, без которой ей нельзя думать сделаться нацией.

В Месопотамии арабизация, подготовленная, начиная с III в. нашей эры, основанием арабо-арамейского государства в Хйре, распространялась арабами завоевателями в VII в. вокруг устроенных ими опорных пунктов Басры и Куфы и в VIII в. вокруг Вāsита и основанного в 762 г. Багдāда. Упомянутые города сыграли крупную роль в последующем ее развитии.

Месопотамское население к моменту мусульманского завоевания представляло собой древний элемент арамейский, халдейский, набатейский, как предпочитают его называть. Впрочем название «набатейский» осталось в арабских текстах за земледельческим населением Месопотамии. Медленно, как в Сирии, арамейские диалекты сменялись арабским языком, который с самого начала оказывался неизбежным вспомогательным языком с экономической точки зрения. Арамейский едва сохранился лишь на севере Месопотамии в окрестностях Мосула среди населения, которое осталось христианским. На юге он, продолжая быть литургическим языком халдейской церкви, употребляется в качестве разговорного среди христиан-мандейцев, численность которых не превышает 8 тысяч.

На ряду с этим отступлением первоначального арамейского языка арабизация Месопотамии столкнулась с очень важным фактором, который отсутствует в Сирии, а именно персидским. Исторически Месопотамия всегда заимствовала у Персии как в литературном, так и социальном отношении. Нет ни одного города в Месопотамии, где бы не было персидской колонии.

Роль шиитства здесь также немаловажна. Два шиитских города, Кербелā и Неджеф, однако дают разные показатели: если Кербелā, количество жителей которой достигает 80 тысяч, является в большей части персидским городом по языку, то Неджеф с 30-тысячным его населением, не менее ревностный в смысле шиитских доктрин, оказывается арабским по языку и даже служит одним из центров высших арабских знаний. Шииты представляют в Месопотамии значительное большинство — 1 500 000 на 2 850 000 жителей — и в последнее время согласуют свои выступления с политикой Персии. Один из осложняющих факторов — гавань Мохаммера — стратегический пункт первостепенной важности, господствующий над Басрой. Составляя часть персидской национальной терри-

тории, этот пункт находится во власти вождя арабских племен, субсидируемого британским правительством.

Таким образом, по мнению Массиньона, двумя основными вопросами для будущего арабизации в Месопотамии являются ассимиляция старинного арамейского элемента, которая сильно подвинулась вперед, и борьба против иранизации, которая остается ярко выраженной и передается во все области.

К этим двум основным вопросам Массиньон присоединяет еще два второстепенных вопроса, связанных с составом населения Месопотамии, — курдский и туркменский. В Северной Месопотамии более 460 тысяч курдов и 600 тысяч туркмен на 182 тысячи арабизованных арамейцев и кочевых арабов.

В столице Месопотамии Багдаде из 140 тысяч жителей количество арабов составляет едва 60 тысяч (там насчитывается 50 тысяч евреев, 20 тысяч персов, 10 тысяч курдов и турок). Только Басра представляет чисто арабский центр в Месопотамии, но она не может сделаться очагом, объединяющим вокруг себя нацию, так как расположена вдали от остальных частей страны и находится в экономической зависимости от Индии.

Багдад теперь рассматривается как интеллектуальный центр арабского влияния со своим новым университетом, многочисленными типографиями и большим количеством журналов. Внимательное обозрение книг и статей, опубликованных за три года существования королевства, создает впечатление внешнего размаха и в сущности довольно посредственной научной и общественной деятельности. Но так как Багдад значительно отставал от Дамаска, можно все же сказать, что рост движения арабских идей укрепляется. Хиджазский двор привлек также известное число литераторов, не лишенных достоинств. Наконец, новые школьные программы распространяются и на воспитание девочек и обнаруживают прогрессивные тенденции.

Массиньон завершает характеристику положения вещей в Месопотамии замечанием о том, что оно не осложняется проблемой европеизации, как это имеет место в Сирии, и указывает на существующее недовольство христианами вообще, которых считают ответственными за вторжение европейцев и экономические спекуляции последних. Отсюда будущее арабизации связывается с политикой усиленной исламизации в отношении христианского населения.

Перейдя затем к странам, которые являлись старинными колониями арабов, Массиньон приводит следующие данные относительно арабоязычных в них.

В Персии арабоязычные центры состоят из групп коммерсантов и ученых в главных городах. Хотя число их не превышает несколько тысяч, их интеллектуальное значение превосходит значение 300 тысяч арабов-кочевников, которые находятся на юге Персии в Фарсе и Кермане и которых персидское правительство использует в качестве гарнизонов в беспокойных провинциях.

В Турции имеются еще сирийско-арабские элементы в Киликии и на Верхнем Евфрате (район Урфы и Мардина) численностью до 100 тысяч человек (охваченных «туранским преследованием»). Там же, в Киликии, в районе Тарса сосредоточены сельские элементы, принадлежащие к сирийской секте нусейритов. Все эти арабские центры имеют местное значение и культурное влияние их в Турции сведено к нулю.

В Индии не более 300 тысяч арабоязычных. Это незначительное меньшинство, из которого 200 тысяч, сконцентрированные в Синде, представляют сельских жителей без большого школьного развития. Можно указать также арабоязычных сомали около Бомбея. Более важны арабы Хадрамаута, образующие класс привилегированных коммерсантов в Хайдерабаде.

На Малайских островах насчитывается 70 тысяч арабов на 55 миллионов мусульман малайцев. Однако эти 70 тысяч именно и распространили ислам среди местного населения. Они являются городскими арабами, большая часть которых прибыла из Хадрамаута. Руководящая роль в движении, направленном против европейцев, принадлежит им. Под энергичным влиянием этого арабоязычного меньшинства занятия арабским языком несомненно прогрессируют там и существует много чисто арабских журналов. Паломническое движение в Мекку также организовано довольно основательно, и яванская колония в Мекке играет видную роль.

Из новоарабских колоний Массиньон останавливается главным образом на имеющихся в Америке, которые комплектовались из жителей Сирии и Палестины. В Латинской Америке находится 110 тысяч человек (60 тысяч в Бразилии, 40 тысяч в Аргентине, 3 тысячи в Чили), в Мексике 10 тысяч, в Канаде 4 тысячи и в Соединенных Штатах 52 тысячи сирийцев и 3200 палестинцев.

В заключительной главе высказываются соображения о возможностях арабского языка и будущем арабизации.

В области синтаксиса арабский язык уже в средние века приобрел под влиянием греческой науки философский стиль большой силлогистической силы, что дает ему возможность дальнейшего развития. В области морфологии язык также располагает необходимыми для этого средствами.

Что касается лексики и терминологии, то и здесь возможности как в фонетическом, так и смысловом отношении удовлетворительны.

Более сложен вопрос о реформе алфавита в связи с тем, что арабский язык, будучи семитическим, отводит второстепенное место вокализации, имея только три гласных знака, ставящихся лишь в сомнительных случаях. Предполагавшиеся проекты этой реформы не увенчались успехом. Во всяком случае арабская письменность имеет алфавит, и перевод арабской литературы на какую-нибудь другую алфавитную систему не грозил бы ей смертью, как это может случиться с китайской, написанной идеографическими начертаниями.

Проблема арабизации и ее будущее должны быть ясно отличены от будущего арабоязычия, как такового.

Если, заключает Массиньон, арабский язык и арабизация кажутся отступающими в средиземноморском бассейне, то остаются по меньшей мере две громадные области, в которых арабская культура выступает как фактор спаянной общественной организации. Это явление наблюдается не только в Африке, где господство арабской культуры утверждается, но даже в Азии, в Индии, на Малайских островах и может быть в Китае, где древние цивилизации, весьма разнящиеся друг от друга, не приобрели могущественного структурного единства, которое дает арабская культура.

Очень интересна по высказывающимся в ней взглядам и упомянутая мною выше статья Луи Брюно «Pour une Réforme des Études d'Arabe», автор которой является директором института высших марокканских знаний в Рабате. Он утверждает, что преподавание арабского языка французским юношам, готовящимся работать в странах Северной Африки, стоит совершенно не на высоте и должно быть безотлагательно и коренным образом реорганизовано. Обучение это основано на старинных методах и укоренившихся привычках, в плену у которых находятся профессора.

В результате оканчивающие знают грамматику, умеют рыться в словаре, но не знают ни истории арабов, ни географии мусульманских стран, а следовательно ни религии, ни цивилизации мусульман. Они почти совершенно не знают образа жизни местного населения, с которым им повседневно приходится сталкиваться.

Работая со словарем над текстом, учащиеся, на основании различных значений многих арабских слов, приходят к трем или четырем переводам, затрудняясь в конце концов решить, какой же из них правилен.

Причина плохого знания арабского языка кроется, по мнению автора, в недостатках преподавания. Здесь наблюдается отставание на целое столетие, так как обучение производится в общем по грамматике арабского классического языка Сильвестра де-Саси, вышедшей вторым изданием в 1830 г. При всех своих громадных достоинствах она написана в духе средневековых арабских грамматик и не приспособлена к грамматическому мышлению французов, воспитанных на родном языке.

Обучение диалекту страдает недооценкой последнего, являющегося единственным средством общения с населением, дающего возможность узнать местных жителей, изучить их нравы, обычаи, психологию. К диалекту относятся пренебрежительно, называют его арабским разговорным, арабским простонародным, признавая за ним лишь узко утилитарное значение. Совершенно забывают, что он имеет свои тонкости, свою прелесть, выражает реальную цивилизацию и фило-

софию и, несмотря на отсутствие на нем литературных памятников, — очень живой язык.

Говоря далее о преподавании грамматики арабского классического языка, автор показывает сложность многих грамматических правил и формулировок и на целом ряде конкретных примеров намечает возможности упрощения правил и сведения их к значительно меньшему количеству. За счет рационализации обучения грамматике будет усиливаться чтение текстов, которое и поможет действительно изучить язык, его синтаксис, обороты речи.

На обязанности преподавателей лежит не только обучение грамматике и практике языка, — необходимо также ознакомить учащихся с цивилизацией людей, которые применяют эту грамматику и этот язык, их мышлением, их образом мыслей. Чтение — замечательный способ изучения арабов древних и современных, их обычаев, верований, политической и общественной организации.

Диалект и современный арабский литературный язык служат отличным введением в изучение древнего классического. Передача на классическом языке того, что проходит на диалекте, представляет очень полезное упражнение для учащихся. От современного арабского литературного языка (египетского), через «Тысячу и одну ночь» и арабские антологии, древние и современные, к извлечениям из Корана — такова намечаемая Брюно программа чтения текстов, которая должна быть последовательной, обильной и разнообразной.

При изучении диалекта не важно, знают ли учащиеся мало или много слов; основное заключается в том, чтобы они знали и понимали структуру языка, его механизм, его главную манеру выражать мысль. Получивший такого рода навыки ученик легко и быстро справится в жизни с теми требованиями, которые ему будут предъявляться.

В задачу преподавателей входит предоставление учащимся возможности полностью использовать существующий богатый опыт, применяя его в изучении языка и цивилизации арабов. Непростительный разрыв между тем, что преподаватели знают, и тем, чему они обучают, должен быть уничтожен.

Таковы в главных чертах высказывания французских ученых, имена и труды которых упоминались мною выше.

Путем анализа и сопоставления их взглядов, а также учитывая выражаемые у нас мнения по данному вопросу, основанные как на непосредственных наблюдениях, так и на изучении этого вопроса европейцами и самими арабами, мы приходим к ряду определенных выводов.

Прежде всего мы не встречаем единства взглядов в оценке положения вещей и делаемых прогнозах у представителей французской науки, наиболее полно осветивших рассматриваемый вопрос — Марсэ, Массиньона и Лесерфа. Первый придерживается весьма консервативной точки зрения, второй зани-

мает срединное положение, и последний представляет как бы либеральное течение.

Марсэ обнаруживает ярко выраженные империалистические тенденции. Он является идеологом французского колониального режима. Арабские страны Северной Африки, по поводу которых высказывается Марсэ, — колония, где французы полновластные хозяева, и он не считает нужным прикрывать свои мысли каким-нибудь флером. Арабский язык находится в состоянии упадка; представленный в двух отличных друг от друга видах — письменном языке, на котором никто не говорит, и разговорном, на котором никто никогда не пишет, он крайне ограничен в своих возможностях и тянет носителей его, даже в лучших произведениях своей письменности, в средние века. Этот язык чем дальше, тем больше уступает, да и не может не уступить в силу упомянутых качеств влиянию превосходящего его во всех отношениях французского языка и культуры — орудия победителей. Борьба, следовательно, получается неравная, и побежденный должен сложить свое несовершенное оружие перед великолепным вооружением победителя. Таков синтез положений, выдвигаемых Марсэ. Кроме того арабский письменный язык, в виду ряда трудностей ему свойственных и усложняющих обучение ему, доступен незначительному меньшинству среди арабов. Полное понимание языка прессы и литературы составляет достояние лишь избранного круга людей, арабский же разговорный не имеет литературы. Все это вместе взятое, по мнению Марсэ, не может также способствовать возрождению арабского языка, а наоборот углубляет кризис, в котором он пребывает.

Недаром это выступление, как видно из статьи Jean Menaut «К путешествию М. Ренье в Алжирию», помещенной в № 3 журнала «L'Afrique Française», март 1935 г. (стр. 147—154) было встречено арабской печатью, что называется «в штыхи».

Нельзя несколько не остановиться на указанной статье, так как она очень характерна. С одной стороны, ее автор берет под свою защиту Марсэ, говоря, что арабы напали на него за утверждение в его филологических исследованиях относительно полисемии и других особенностей арабского языка. С другой стороны, Jean Menaut одновременно обрушивается на арабскую интеллигенцию, получившую французское образование, с обвинением в принадлежности к будто бы существующему там «нео-ваххабизму», который, по его словам, на данном этапе объединяет атеистически мыслящую арабскую интеллигенцию с религиозно настроенными кругами арабского населения на почве их общей национальной вражды к Франции. Свое обвинение автор старается подкрепить ссылками на отдельные статьи арабских газет за 1934 г., где выражаются протесты против французского колониального режима и раздаются призывы к уничтожению последнего.

Беспочвенность заявления о существовании в Северной Африке так наз. «нео-ваххабизма» из приведенного совершенно очевидна.

Массиньон придерживается иных взглядов, нежели Марсэ, и довольно подробно останавливается на Северной Африке, так что у нас есть полная возможность сравнить высказывания обоих ученых.

В основе его труда лежат две мысли, которые красной нитью проходят через всю статью, а именно: 1) что очагами арабизации на всем протяжении истории арабских стран были городские центры с существующими в них наречиями и 2) что будущее арабского языка зависит от приспособленности этих городских диалектов к современной цивилизации.

Он вовсе не склонен расценивать настоящее положение арабского языка в Северной Африке, подобно Марсэ, как упадочное, наоборот констатирует, что арабский язык развивается, и сфера его распространения среди народов не арабского происхождения продолжает увеличиваться. Массиньон вынужден признать, что, несмотря на стремления французов возбудить в берберях особое национальное чувство, создать среди них специальные школы, берберы более гордятся тем, что они мусульмане и таким образом связаны с арабами общей религией, чем своим происхождением и отличием по языку от арабов; отсюда следует и отношение их к арабскому языку.

Далее он утверждает, что с каждым продвижением французов вглубь страны, устройством новых путей сообщения, идет и проникновение арабского языка, проводниками которого являются чиновники, купцы — жители городов, и что французы невольно как бы содействуют его внедрению. [В этом отношении он считает Северную Африку даже большим полем для распространения арабского языка по сравнению с Сирией и Палестиной, где не осталось уже таких этнических элементов, в среду которых он мог бы проникать, и где, с другой стороны, иностранные государства развили столь усиленную деятельность.

Что касается присущих арабскому языку возможностей дальнейшего развития, то они ему также представляются удовлетворительными как в смысле лексики, так этимологии и синтаксиса. Массиньон не отрицает успехов «францизации» в Северной Африке, но рассматривает их все-таки как недостаточные.

Он детально излагает вопрос о степени реальности попыток империалистических государств, действующих в арабских странах, выдвинуть те или иные из местных языков в качестве конкурентов арабскому языку, а равно противопоставить общему арабскому духу местный национальный. Но и здесь в подавляющем большинстве случаев он принужден указать на тщетность этих попыток и приходит к заключению о наличии роста арабского языка и развитии литературы и прессы на нем в Сирии, Египте и Ираке.

Вообще по количеству материалов и географическому охвату статья Мас-синьо́на наиболее полно освещает данный вопрос и представляет несомненный интерес. Однако многие из его рассуждений содержат в себе дифирамбы французской и английской колониальной политике.

Самый либеральный из трех выделенных мною французских ученых Лесерф по преимуществу оперирует с материалами, относящимися к Сирии, которые лучше всего ему известны. Однако он не ограничивается ими одними: прежде всего он рассматривает Сирию в широком смысле слова, т. е. включая сюда и Палестину, затем переходит к Египту и касается вскользь Аравии и Ира́ка.

Свое печатное выступление он в значительной мере объясняет статьями Марсэ, с выводами которого он не может согласиться и, полемизируя, подвергает их сомнению даже применительно к Северной Африке в части ее языковых перспектив.

Он не разделяет невольно напрашивающегося на обобщение при чтении статей Марсэ мнения последнего о том, что арабский язык переживает теперь состояние упадка и не имеет перед собою никаких перспектив на улучшение своего положения. Вопреки этому мнению он полагает, что возрождение арабского языка началось еще с конца XIX в. в Сирии (в Египте этот процесс наступил значительно раньше и был усилен аналогичным сирийским движением), что это возрождение продолжается и в настоящее время и что арабский язык содержит в себе необходимые предпосылки для дальнейшего развития. По его убеждению и Северная Африка, где в настоящее время развитие арабского языка быть может приостановилось, располагает достаточными основаниями для последующего его развития.

На ряду с сообщениями в первой статье о росте арабской литературы и прессы, Лесерф в цитированном мною труде его «*Littérature dialectale et renaissance arabe moderne*» приводит не только устную литературу, но и письменную литературу на сирийском диалекте и тем самым как бы опровергает утверждение Марсэ о том, что никто и никогда не пишет на диалекте. Труд этот безусловно ценен тем, что дает наглядное представление о письменной литературе на диалекте, как о существующем факте, и позволяет нам проследить этапы ее развития.

Говоря о возрождении арабского литературного языка и диалекта, происходящем одновременно, но с намечающейся в городах тенденцией к постепенному сближению этих языков, Лесерф не может, конечно, не констатировать того плотного иностранного окружения, в котором находятся жители городов Сирии и Египта, т. е. именно наиболее передовых стран в отношении арабского языка. Это окружение поддерживается сильно развитой школьной деятельностью французов и англичан и находящихся в их ведении миссионерских обществ. Оно про-

водится методически, и носителям арабского языка предстоит выдержать серьезную борьбу, чтобы отстоять свое языковое лицо, идя также по линии реорганизации школ и в частности преподавания арабского языка в смысле удовлетворения его насущным потребностям страны.

Знаменитое арабское двуязычие, с которым Лесерф считается как с определенным фактом на данном этапе, не представляется ему таким ужасным чудовищем, каким изображает его Марсэ. Наблюдающиеся, особенно в городах, центрах культуры, тенденции к взаимному сближению разговорного и современного литературного языков уже сами по себе довольно показательны.

Рисуя дальнейшие перспективы Сирии, Лесерф ставит вопрос, что произошло бы там с арабским языком, если бы Франция вынуждена была ее оставить без поддержки. Он допускает две возможности: либо место Франции заняла граничащая с Сирией Турция, и тогда арабский язык был бы постепенно вытеснен турецким; либо возник бы советский строй, в таком случае арабский разговорный язык распустился бы пышным цветом, классический же был бы отменен, а с другой стороны процвели бы и языки всех национальных меньшинств.

Повидимому, Лесерф тут хочет обратить внимание арабских верхушечных слоев на то, что вряд ли какой-нибудь из этих обоих вариантов соответствует классовым интересам местной земельной и финансовой аристократии, и несколько попугать ее. Тем более, что непосредственно за этим он возвращается к третьему предположению, т. е. *status quo* «по крайней мере в течение периода, достаточного для того, чтобы арабское движение имело время развить свои возможности и, может быть, найти равновесие сил или союзов, которое позволило бы ему отвоевать свою независимость, не будучи поглощенным своими соседями». Итак, третий вариант, иначе говоря сохранение за Францией мандата на управление Сирией, как это вытекает из приведенной цитаты, признается Лесерфом самым благополучным и, очевидно, рекомендуется арабам.

Если даже в городах, замечает он, европейские языки получили бы перевес над арабским, то ведь остаются массы сельского населения, остаются кочевые арабы, где указанное явление никак не может иметь места.

В заключение Лесерф выражает надежду, что из предстоящих испытаний арабский язык выйдет победителем, так как он является вполне жизненным и обладает достаточно положительными качествами.

Чем же можно объяснить различие точек зрения упомянутых трех французских ученых?

Различие это, мне кажется, в значительной мере объясняется положением, которое они занимают, а положение, как известно, обязывает.

Сфера деятельности Марсэ, работающего в области диалектологии и имеющего непосредственное отношение к французским школам, — Северная Африка.

Массиньон, будучи хорошо знаком с Северной Африкой, интересуется в большой степени и другими арабскими странами (в том числе и Сирией), по которым им собраны и опубликованы ценные научные материалы. Вместе с тем он известный исламовед, руководивший сборником «Revue du Monde Musulman» и редактирующий в настоящее время «Revue des Études Islamiques» и «Annuaire du Monde Musulman».

Наконец, Лесерф работает в Сирии по диалектологии и новой литературе, являясь научным сотрудником Французского института в Дамаске.

Из сравнительного анализа функций, области деятельности и политической роли этих трех ученых явствует, что они не могут говорить одинаковым языком и в одинаковых выражениях, хотя бы по одному и тому же предмету. Но, высказывая различные взгляды, которые были отражены выше, они, тем не менее, проводят одну общую линию поддержки французской колониальной политики, стремящейся путем усиления своих школ и иными средствами подчинить местных жителей французскому влиянию, постепенно ассимилировать их и укреплять национальную и религиозную рознь, руководствуясь старинным девизом «разделяй и властвуй».

Какие же общие выводы мы должны сделать при подведении итогов настоящей статьи, сопоставляя данные французских источников с другими имеющимися у нас материалами?

1. «Двуязычие» на сегодняшний день еще продолжает существовать, хотя в городах наблюдается несомненная тенденция к постепенному сближению между диалектом и современным литературным языком. Диалект перестает быть только разговорным языком, а ново-литературный язык — исключительно письменным.

2. В арабских странах как колониальных, так и полуколониальных, на основе национально-освободительного движения ведется борьба за сохранение арабским языком своих позиций перед лицом усиленной пропаганды французского и английского языков, и в этой борьбе действительно обнаруживается его жизнеспособность.

3. Арабская пресса, которая в основном находится в руках правящих классов, включает в себе и некоторые органы печати, отражающие интересы трудящихся, как, например, «ал-'Амал», «аш-Шарк ал-'араби» и др.

4. Ново-арабская литература, возникшая в первой половине XIX в., значительно разрослась и окрепла, особенно с начала нынешнего столетия.

«Многие историко-литературные работы стоят на уровне европейской науки; Восток и Запад и здесь нельзя уже отделить один от другого. И здесь, как вообще в ново-арабской литературе, мы подходим близко к тому времени, когда „арабский“ не будет противопоставляться „европейскому“; все перейдет в единую общечеловеческую культуру и литературу, которые в отдельных своих частях будут

отличаться только языком» (акад. И. Ю. Крачковский — «Ново-арабская литература», Зап. Инст. вост. Акад. Наук, III, стр. 177).

Б. Пойдет ли дальнейшее развитие арабского языка по пути образования единого языка для всех арабских стран или, на базе постепенного слияния городских диалектов с литературным языком, будет выработано несколько в известной мере отличающихся языков для отдельных арабских стран, сказать в настоящее время чрезвычайно затруднительно, так как нельзя еще учесть всех условий, от которых это будет зависеть. На данном же этапе, при всем разнообразии диалектов, мы имеем современный арабский литературный язык, язык новой литературы и прессы, общий для всех арабских стран от Ирака до Марокко.

На советских арабистах лежит серьезная задача систематического изучения политической, общественной, научной и литературной жизни арабских стран, выявления и освещения различных ее сторон и в особенности тех ее течений, которые содержат в себе прогрессивное начало и ведут к культурному росту, трудящихся этих стран.
